

УДК 101.1:316

ПОНЯТИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ СИТУАЦИИ НЕЭФФЕКТИВНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Л.П. Рыжова*, И.В. Пономарева**

*ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», г. Москва

**ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются понятия, характеризующие диалогическое взаимодействие как неэффективное, неуспешное. Именно непонимание смысла высказывания становится причиной неудачного, неуспешного, неэффективного и даже несостоявшегося общения. Авторы анализируют содержательные и /или функциональные различия между терминами, характеризующими неуспешный результат диалогического взаимодействия и обозначающими различные проявления коммуникативной неуспешности.

Ключевые слова: личность, коммуникация, диалогическое взаимодействие, коммуникативная ошибка, коммуникативная неудача, рассогласование, срыв, коммуникативная неуспешность, псевдокоммуникация.

Личность как субъект социального взаимодействия является онтологическим основанием всех форм поведения, философское осмысление которого необходимо для понимания сущности и способов существования человека и общества. Важнейшую часть поведения людей в обществе составляет речевое общение, или языковая коммуникация. Принимая во внимание тот факт, что «язык не существует без человека и вне его познавательной и предметно-практической деятельности, вне его поведения», речевую деятельность можно назвать «одним из ведущих атрибутов человеческого бытия, субъективного мира человека» [10, с. 17].

Следует подчеркнуть, что деятельность отдельного человека (индивида) предполагает обязательную связь с деятельностью других людей, и эта связь предопределяет необходимость их взаимодействия в непосредственном общении, т. к. «в самой природе человека заложено стремление к социальности, желание быть вместе и радоваться присутствию рядом с ним других людей» [3, с. 90]. Являясь сложным и многогранным процессом, общение выступает одновременно и «как процесс взаимодействия индивидов, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, и как процесс взаимовлияния друг на друга, и как процесс их сопереживания и взаимного понимания друг друга» [7, с. 178]. Способность к коммуникативному, прежде всего вербальному взаимодействию предопределяет *диалогичность* любого нормального использования языка, и любой дискурс строится коллективно, значение любого высказывания является результатом совместной – диалогической – деятельности. Взаимодействие может быть определено как коллективная деятельность по созданию смысла, ибо «смысл рождается во взаимодействии» [13] собеседников. Понимание языка как деятельности обуславливает его изучение как явления социального уровня, как компонента человеческого поведения, как особого вида деятельности, адекватной индивидуальным и общественным потребностям социального взаимодействия в каждой конкретной ситуации. Процесс диалогического взаимодействия рассматривается как процесс *интерсубъективный* [12, р. 266; 8, с. 147], объединяющий людей друг

с другом и связывающий их с окружающей действительностью, с миром вещей. Эта связь осуществляется на основе утвердившихся в сознании людей норм и правил как совокупности условий, которым необходимо следовать при определении целей и выборе средств и способов их достижения. Важно учитывать и «наличие двух видов действий: перспективных (направленных на развитие речевого взаимодействия) и реактивных (направленных на погашение существующих условий)» [11, с. 76].

Анализ многочисленных работ, посвященных вопросам исследования диалога, диалогического дискурса, диалогического взаимодействия как в отечественном, так и в зарубежном языкознании, свидетельствует о сложности и многоаспектности данного феномена, представляющего единство процесса и результата, т. е. процесса, ведущего к созданию коллективного текста, состоящего из высказываний, по крайней мере, двух его участников. При этом следует отметить, что усилия ученых были направлены прежде всего на выяснение условий и выявление факторов, обеспечивающих «правильную», т. е. удачную, успешную коммуникацию. Речевое общение является эффективным – успешным – при условии установления между адресантом и адресатом согласованности во взаимодействии с целью реализации коммуникативных намерений. В этой связи, по мнению Л.Г. Викуловой и А.И. Шарунова, особую значимость приобретает система соответствий, которая проявляется в ряде коммуникативных установок. Так, *установка на адресанта* проявляется в том, что в каждом высказывании говорящий (отправитель сообщения) предстает как человек с определенными этническими, культурными характеристиками, обнаруживает свое мировоззрение, воспитание, образование, иначе говоря, в речи человек заявляет себя как личность. *Установка на адресата* означает способность говорящего оценить собеседника и в соответствии с этим выстроить свое речевое поведение. *Установка на систему языка*, при помощи которого передается сообщение, указывает, насколько умело говорящий использует коммуникативные качества «хорошей речи»: точность, уместность, логичность, выразительность.

Установка на сообщение предполагает внимание к той форме, в которой передано сообщение. *Установка на действительность* предопределяет соответствие между событием, вызвавшим сообщение, коммуникативной целью говорящего и его внешним видом и используемыми им невербальными средствами, т. е. все эти компоненты не должны вступать в противоречие друг с другом. *Установка на контакт* означает, что для осуществления речевого взаимодействия от коммуникантов требуется согласие, солидарность и настроенность на мир собеседника. Только совместные действия инициатора и адресата способствуют успеху коммуникации [1]. Важным фактором эффективности является стиль общения как форма коммуникативного поведения человека, при этом оптимальным стилем общения считается партнерский, который помогает занять лидирующее положение в группе, повышает самооценку.

Среди важнейших признаков успешности коммуникативного взаимодействия были выявлены: сотрудничество и согласованность действий его участников, соблюдение правил и принципов диалогического взаимодействия, следование правилам речевого этикета, ориентир на собеседника в соответствии с его социально-культурным статусом, психологическим типом личности и текущим эмоциональным состоянием, умение расположить к себе собеседника, доброжелательность, открытость, искренность, а также коммуникативная компетентность, обособленность речевого поведения, владение вариативностью языковых средств.

Общаясь, люди стремятся понять друг друга; причем понять не только значение, но и смысл сказанного. Тем не менее, именно непонимание смысла высказывания (или нежелание понимать и даже воспринимать аргументы собеседника) становится причиной неудачного, неуспешного, неэффективного и даже несостоявшегося общения. В последние два-три десятилетия учёными предпринимались попытки определить специфику различного рода коммуникативных неудач, выявить критерии их выделения в корпусе конверсационных ошибок, сформулировать некоторые принципы разделения корпуса коммуникативных неудач на подклассы на основе учета как источников их возникновения, так и результатов их проявления. Предпринимались попытки интегрального подхода к изучению данной проблематики с целью не только определения параметров феномена коммуникативных неудач, но и определения основных способов инициации их корректировки. Проводилось исследование коммуникативных рассогласований как явления интерактивного порядка.

Изучение различных аспектов неуспешного общения обусловило использование в научной литературе большого количества терминологических наименований, так или иначе характеризующих неуспешный результат диалогического взаимодействия и обозначающих различные акты и проявления коммуникативной неуспешности / неэффективности. Это – *коммуникативная неудача, коммуникативный провал, срыв, коммуникативный сбой, коммуникативный неуспех, коммуникативный конфликт, коммуникативная ошибка, речевая ошибка, коммуникативная помеха, рассогласование, коммуникативный нонсенс, эффект смысловых ножниц и др.*

Такое терминологическое многообразие и неоднозначность их содержательного толкования привело к некоторой разобщенности взглядов ученых на феномен коммуникативной неэффективности общения. В этой связи необходимо отметить наличие содержательного и/или функционального различия между похожими по форме терминами, а рассмотрение их как тождественных неверно, так как в основе определений лежат разные критерии: ориентирование на результат коммуникации (перлокутивный эффект), причины, вызывающие затруднения в общении (лингвистические или экстралингвистические факторы).

Под *речевой ошибкой* понимается «резкое, немотивированное отступление от императивных (строго обязательных) норм литературного языка, нарушение правильности речи» [4, с. 579]. Традиционно речевые (*языковые*) ошибки выделяются в соответствии с типами норм, определяемыми согласно уровням языка, и делятся на следующие типы:

- ошибки *орфоэтические*, связанные с нарушением норм произношения в языке и неправильной постановкой ударения;
- ошибки *лексические* или *семантические*, вызванные незнанием лексического значения слов и особенностей их лексико-семантической сочетаемости, а также искажение фразеологических оборотов или неуместное их использование и т. п.;
- ошибки *грамматические*, связанные со словообразованием, с формообразованием, с построением предложений, с различным структурным оформлением однородных членов, смешением прямой и косвенной речи и т. п.;
- ошибки *стилистические*, связанные с употреблением в высказывании или тексте языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений), обладающих стилистической окраской, не соответствующей стилистической окраске данного высказывания.

Коммуникативные ошибки связаны с нарушением норм, регулирующих коммуникативную организацию высказывания. Эти ошибки возникают в связи с нарушением логики развертывания мысли, с нарушением причинно-следственных отношений, с отсутствием связей между высказываниями; с конструктивной или содержательной недостаточностью / избыточностью выражения информации, с несоответствием семантики высказываний их конструктивной заданности, с неоправданными повторами и дублированием информации, тавтологией, плеоназмами.

Следует отметить, что речевые ошибки и даже коммуникативные ошибки могут в большей или меньшей степени затруднять диалогическое взаимодействие, создавая *помехи* в понимании смысла сказанного, в создании благоприятной атмосферы в процессе диалогического взаимодействия. Но они, как правило, не приводят к прекращению контакта, т. е. к *коммуникативному срыву* или *сбою*, так как они могут быть исправлены в процессе речи (изменены, уточнены, эксплицированы).

Примером коммуникативного сбоя служит следующая ситуация: Встречаются два приятеля:

(A): *Why don't you greet me?* (Почему же ты не здороваешься?)

(B): *We have already greeted each other!* (Так мы уже здоровались!).

Представленный в данном фрагменте диалога *коммуникативный сбой* обусловлен отсутствием, по мнению (B), оснований для выполнения речевого действия приветствия, поскольку приятели уже виделись. Здесь наблюдается несовпадение в оценке ситуации общения: (A) ожидает, что (B) с ним поздоровается, а (B) не понимает, почему он должен здороваться дважды. Собственно, целевые установки обоих коммуникантов не были достигнуты при использовании данных высказываний.

Таким образом, коммуникативный сбой происходит, как правило, в том случае, если имеет место несовпадение интенций коммуникантов или ситуация общения оценивается ими неверно, что приводит к *рассогласованию* (см.: [9, с. 69–70]) вербального поведения. В приведенном примере этот сбой или рассогласование не затрагивает сущности отношений между участниками разговора и может расцениваться скорее как недоразумение, которое при доброжелательном и заинтересованном уточнении сложившейся ситуации не препятствует продолжению контакта.

Однако коммуникативные рассогласования в вербальном поведении партнеров по общению могут иметь в большей или меньшей степени отрицательные последствия, то есть привести к прекращению контакта.

Как известно, для успешной совместной деятельности её участники должны стремиться к согласованности своих действий и избегать использования «неэффективных» шагов, то есть неуместных высказываний, не соответствующих ситуации общения, демонстрирующих грубость, несдержанность и способных привести к коммуникативному рассогласованию. Примером такого рассогласования может служить следующий фрагмент диалогического взаимодействия: Дочь собирается выйти из дома, потихоньку нащупывает пальто; из комнаты раздаётся голос отца:

Father: *Where are you about to go?* (Куда собираешься?)

Daughter [*Silence*] [*Молчание*].

Father: I ask you, why are you silent? (Что молчишь, спрашиваю)

Daughter: To the yard, of course (Во двор, куда же еще?)

Mother: Why do you make a noise, old junk? (Ты чего шумишь, старый?)

Father: Be silent, old broom (Помолчи, метла).

[Stenin «Native people» p. 112]

В приведенном фрагменте коммуникативное рассогласование происходит по причине того, что партнеры нарушают ожидаемую последовательность высказываний: сначала дочь не отвечает на поставленный вопрос, а затем мать, не являясь прямым адресатом, вторгается в речевое общение – и сразу же её попытка выяснить, в чем дело, грубо пресекается говорящим.

Для успешной совместной деятельности партнеров естественным оказывается такое диалогическое общение, когда инициативные речевые действия служат необходимой основой для наступления ответных действий в виде определенных следствий, то есть когда реакция на стимулирующую реплику является соответствующей инициативной реплике и по форме и по содержанию. Таким образом, отсутствие единства в сохранении кооперативного характера взаимодействия становится причиной коммуникативного разрыва.

Для предотвращения коммуникативного разрыва необходимо, чтобы партнеры могли предвидеть «неэффективные» шаги, способные привести к коммуникативному рассогласованию, то есть контролировать свое поведение, как речевое, так и неречевое, координировать свои действия для обеспечения нормальных условий диалогического общения.

А.А. Романов отмечает, что нарушение процесса координации коммуникативных действий может привести к коммуникативному рассогласованию, представляющему собой такой вид речевой интеракции, в процессе которой используемые для типового иллокутивного потенциала реплики «не выполняют своей функциональной предназначенности» и не ведут к образованию «результатирующего эффекта» в совместной деятельности партнеров. Причиной коммуникативных рассогласований, по мнению А.А. Романова, может явиться тот факт, что партнеры не смогли найти общую тематическую основу из-за различий в базовых знаниях и оценке ситуации, из-за различий в своих установках к типовому иллокутивному потенциалу, в рамках которого они ведут обмен шагами. Коммуникативное рассогласование представляет собой явление «интерактивного порядка», означающее отсутствие адекватной реакции адресата на репликовые шаги собеседника, отсутствие согласованности партнеров в диалогическом взаимодействии. Причиной коммуникативных рассогласований может явиться не только размытость тематического содержания, неадекватность его иллокутивной направленности, нечеткость выражения целевой предназначенности конкретного речевого действия, но и нарушение или игнорирование партнерами последовательности этапных интерактивных шагов, неуместное использование репликовых шагов, не отвечающих характеру их иллокутивной направленности [9, с. 69–70].

Прекращение контакта коммуникантов свидетельствует о *коммуникативном провале* или *коммуникативном срыве* процесса взаимодействия, который рассматривается как неуспешный, неэффективный.

Наиболее нейтральным является терминологическое наименование *коммуникативная неудача*. Под *коммуникативной неудачей* понимается «ситуация, когда коммуникативный акт не достигает коммуникативной цели, поскольку нечто в процессе коммуникации происходит неправильно; так, например, высказывание, не будучи само по себе ложным, оказывается неуместным, неинформативным или непонятным» [4, с. 251]. Коммуникативные неудачи могут быть связаны

с выражением говорящим в речевом акте противоположно направленных требований или взаимоисключающих условий, а также с несоблюдением постулатов речевого общения. Причина коммуникативных неудач может также скрываться в самой природе единиц языка: метафоричности, многозначности слова и т.д. Среди прочих причин коммуникативных неудач обычно называют: различия в картинах мира, сформированных разными национальными культурами участников коммуникации; несовпадение оценок явлений действительности; неправильное понимание речевой интенции, неточности и недосказанности при выражении мыслей [4, с. 252].

Коммуникативная неудача определяется как полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего [2, с. 31]. Такое непонимание постоянно сопутствует общению людей друг с другом. В качестве примера рассмотрим следующий диалогический фрагмент: мать смотрит на помидоры, подходит дочь, ей недавно купили новые туфли:

Daughter: Today I went to the lectures in new shoes (Я сегодня ходила на лекции в новых туфлях).

Mother: Don't they pinch? Are they comfortable? (Не жмут? Удобные?)

Daughter: Yes, they are excellent (Да, очень удобные).

Mother [*Silence*] (Молчание)

Daughter: *They are good, aren't they?* (Ведь, правда, хорошие?)

Mother: *Yes, they are excellent. I watered them today some times and cleaned leaves* (Да, просто замечательные. Я их сегодня несколько раз поливала и протира-ла листья)

Daughter: What? Oh, you are speaking about tomatoes and I am about shoes (Что? А, это ты про помидоры, а я про туфли).

[Kacharov "Short stories" p. 34]

В данном фрагменте коммуникативная неудача связана с неадекватной интерпретацией сообщаемой информации, в результате ложного выбора предмета разговора, то есть прагматического фокуса, при реализации обеими участниками своих речевых действий. Как справедливо указывает Н.К. Кънева, коммуникативная неудача определяется как разновидность прагматического непонимания коммуникативных партнеров в процессе речевого взаимодействия вследствие неправильной репрезентации пропозиционального содержания со стороны говорящего, ошибочной интерпретации со стороны слушающего или обоих случаев вместе [5, с. 68].

Таким образом, различного рода речевые и коммуникативные ошибки, средства и способы коммуникативного рассогласования образуют многочисленные помехи, которые могут быть либо устранены, либо приводят к коммуникативным сбоям. Ситуация диалогического взаимодействия, в которой коммуникативный процесс оценивается как затрудняющий общение, рассматривается как коммуникативная неудача. Как явление семантико-прагматического характера коммуникативные неудачи являются факторами, препятствующими установлению и поддержанию контакта и негативно влияющими на коммуникативный процесс.

Смежной с проблемами коммуникативных неудач является проблема *псевдокоммуникации*, которая рассматривается как коммуникативный процесс, в котором отсутствует взаимопонимание между коммуникантами, вследствие этого имеет место рассогласование в их речевом взаимодействии. Другими словами,

псевдокоммуникация – это коммуникация, в которой не хватает общего коммуникативного смысла. Этот процесс не приводит к совместно выработанному результату, так как он осуществляется как процесс говорения, когда его участники не слышат и не всегда хотят слышать друг друга, когда непонимание смысла высказывания (или нежелание понимать и даже воспринимать аргументы собеседника) становится причиной несостоявшегося общения, причиной возникновения ситуаций псевдокоммуникативного общения. Ситуация псевдокоммуникации усугубляется неравенством статусных и социально-ролевых позиций участников коммуникативного процесса. Показатель статусности, как правило, означает ситуативную доминанту одного партнера над другим. Неравные статусно-ролевые позиции коммуникантов означают неравные возможности для реализации их коммуникативных намерений.

Примером такого рода может служить приведенный ниже фрагмент диалога, представляющий эпизод судебного разбирательства.

Картер Уотсон, приличный человек, исследователь, сотрудник различных журналов, много путешествует с целью изучения различных социальных явлений. В одном из городов он попадает в сложную ситуацию: его избивает местный дебошир, хозяин питейного заведения, имеющий репутацию мерзкого, но влиятельного человека. Картер Уотсон (А) обращается в суд, чтобы защитить себя от незаслуженных обвинений. Он верит в правосудие и справедливость. Судья (В), имея некоторую зависимость от трактирщика и преследуя собственные интересы, выстраивает свой сценарий речевого взаимодействия с потерпевшим. Он не только не защищает пострадавшего, но обвиняет его в совершении преступления.

(А) – *I was strolling casually along the street, your Honor* – Я прогуливался и забрел случайно...

(В) – *We are not here to consider your previous actions. Who struck the first blow?* – Нас не интересуют ваши прежние действия. Кто первый нанес удар?

(А) – *Your Honor, I have no witnesses of the actual fray, and the truth of my story can only be brought out by telling the story fully.* – Ваша честь, у меня нет свидетелей, и удостовериться в правдивости моего рассказа вы можете, лишь выслушав меня до конца...

(В) – *We do not care to publish any magazines here. Who struck the first blow?* – Мы здесь не журналы издаем. Кто первый нанес удар?

(А) – *It has been my custom for many years, as a student of economics and sociology, to acquaint myself...* – Вот уже много лет я изучаю экономику и социологию и стараюсь знакомиться...

(В) – *We want none of your ologies here. It is a plain question. Answer it plainly. Is it true or not true that you were drunk? That is the gist of the question.* – Нам не интересны ваши «ологии». Вопрос ясен. Дайте на него ясный ответ: были вы пьяны или не были. В этом суть вопроса.

Потерпевший хочет ответить, но судья перебивает:

(В) – *Are you aware of the solemnity of the oath you took to testify to nothing but the truth on this witness stand? This is a fairy story you are telling. It is not reasonable that a man would so injure himself, and continue to injure himself, by striking the soft and sensitive parts of his face gainst your head. You are a sensible man. It is unreasonable, is it not?* – Сознаете ли вы святость присяги, которую вы дали, обещав свидетельствовать только правду? Ведь вы рассказываете нам какие-то сказки! Возможно ли, чтобы человек добровольно увечил себя и наносил себе

вред, колотясь мягкими, чувствительными частями своего лица о вашу голову? Ведь вы же разумный человек! Это не разумно, не так ли?

(A) – *Men are unreasonable when they are angry.* – В ярости люди бывают безрассудны!

(B) – *What right have you to say that? It is gratuitous. It has no bearing on the case. You are here as a witness, sir, of events that have transpired. The Court does not wish to hear any expressions of opinion from you at all.* – Какое право вы имеете говорить это? Это не имеет никакого отношения к делу! Вы обязаны только давать показания. Суду нет никакого дела до ваших мнений ни о чем!

(A) – *I but answered your question, your Honor* – Я лишь ответил на ваш вопрос, ваша честь.

(B) – *You did nothing of the sort. And let me warn you, sir, let me warn you, that you are laying yourself liable to contempt by such insolence. And I will have you know that we know how to observe the law and the rules of courtesy down here in this little courtroom. I am ashamed of you.* – Ничего подобного! Предупреждаю, своим дерзким поведением вы восстановите против себя всех. И знайте, что мы умеем соблюдать законы и правила вежливости. Мне стыдно за вас!

[J. London «The benefit of the doubt» p. 61-62]

Обмен речевыми действиями между судьёй и Картером Уотсоном трудно назвать процедурой взаимодействия в рамках судебного разбирательства. По сути, потерпевший лишён возможности изложить свою позицию. Судья как коммуникативный лидер судебного процесса наделён властью, должностными правами и полномочиями, и в силу своего доминантного статуса злоупотребляет своим положением и устанавливает авторитарный коммуникативный регистр речевого взаимодействия с потерпевшим. Он обладает преимущественными возможностями для реализации своих коммуникативных целей, а именно: оправдать хулигана, заставив потерпевшего согласиться: он виновен сам в том, что произошло с ним. Таким образом, коммуникативная неадекватность процедуры судебного разбирательства в данном диалогическом общении происходит по причине неадекватности речевого поведения судьи, который нарушает сам процесс судебного заседания, не пытаясь выяснить истинное положение дел. На протяжении всего судебного разбирательства судья перебивает потерпевшего, сбивает с толка, выражает недоверие, обвиняет во лжи, угрожает, иными словами, его речевые действия свидетельствуют о нарушении профессиональной этики, принципа вежливости и принципа кооперации. Подобные нарушения – это «зло, угрожающее всем актам, носящим характер ритуала или церемонии, т. е. всем *институциональным* актам [6, с. 35]. Подобный способ общения может быть охарактеризован как псевдокоммуникативный. Нарушения имеют место на разных уровнях диалогического взаимодействия.

На *коммуникативном* уровне выявляется несовпадение интенций и стратегий коммуникантов. Информация, передаваемая коммуникантом (A), не вызывает интереса у коммуниканта (B), не является для него актуальной и значимой.

На *тематическом* уровне происходит несогласованность тематического содержания реплик коммуникантов: реплики (A) представляют собой попытку достоверно изложить суть дела, добиться справедливости, реплики (B) демонстрируют намерение подавить волю собеседника, сбить с толка, дезориентировать;

Несовместимость особенностей мировоззрения и мировосприятия характеризуется как нарушения *социально-психологического порядка*: коммуникант (A) доброжелателен, искренен, откровенен, заинтересован в законном, справедливом

рассмотрении дела, коммуникант (В) – агрессивен, озлоблен, недоброжелателен, неискренен.

В целом, псевдокоммуникация как коммуникативный процесс представляет собой многомерный феномен функционально-прагматического порядка. Она определяется как не сложившийся речевой контакт с нереализованными коммуникативными интенциями и обусловленный нарушением общих принципов коммуникативного взаимодействия: принципа кооперации с его постулатами количества, качества, отношения и способа, и принципа вежливости с его максимами такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии. Нарушение этих принципов становится причиной коммуникативного сбоя, являющегося помехой, препятствием для нормального протекания коммуникативных процессов, порождая тем самым ситуации псевдокоммуникативного порядка.

Список литературы

1. Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации: практикум. М.: АСТ: Восток–Запад, 2008. 316 с.
2. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е.А. Земская, Д.С. Шмелев. М., 1993. С. 90–157.
3. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967. 338 с.
4. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под общ. рук. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Рос. акад. наук, 2007. 840 с.
5. Кънева Н.К. Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач: Дис. ... канд. филол. наук / Н.К. Кхнева. Тверь, 1999. 168 с.
6. Остин Дж.Л. Слово как действие / пер.с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
7. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 351 с.
8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
9. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения: пособие по теоретическим курсам. М.: ИЯ АН СССР, 1988. 183 с.
10. Сусов И.П. Семантическая структура предложения. Тула, Тульский гос. пед. ин-т, 1973. 141 с.
11. Сухих С.А. Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его единицы: Межвуз. сб. науч. тр. Калинин, 1986. С. 71–77.
12. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, 1. Paris: Gallimard. 1966. 356 p.
13. Guespin L. Problématique des travaux sur le discours politique // Langage. 1971. № 23. P. 3–24.

CONCEPTS CHARACTERIZING SITUATIONS OF INEFFECTIVE DIALOGIC INTERACTION

L.P. Ryzhova*, I.V. Ponomareva**

*Moscow city pedagogical University, Institute of foreign languages, Moscow

**Tver State University, Tver

The article considers the concepts characterizing dialogic interaction as ineffective unsuccessful. Misunderstanding of the utterance meaning causes ineffective unsuccessful and even failed communication. Authors considers meaningful and / or functional differences among terms characterizing unsuccessful result of dialogic interaction and indicating different symptoms of communicative unsuccessfulness.

Keywords: *person, communication, dialogic interaction, communicative mistakes, communicative failure, mismatch, breakdown, communicative unsuccessfulness, pseudocommunication.*

Об авторах:

РЫЖОВА Людмила Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Института иностранных языков ГАОУ ВО города Москвы «Московский городско-педагогический университет», Москва. E-mail: pryjova@rambler.ru

ПОНОМАРЁВА Инна Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: ivponomaryova@mail.ru

RYZHOVA Ludmila Pavlovna – Ph.D. (Philology), Prof., Dept. of foreign languages, Moscow city pedagogical University, Moscow. E-mail: pryjova@rambler.ru

PONOMAREVA Inna Vladimirovna – Senior lecturer, Dept. of foreign languages for science students, Tver State University, Tver. E-mail: ivponomaryova@mail.ru